

* * *

Наш быт то смирен, то свиреп.
На нём построен наш союз
Из вдохновений и потреб,
Из упований и обуз,
Из сокращений и длиннот;
То невзначай, то нарочит.
О, дайте, дайте чистых нот!
Пусть этот мир звучит, звучит!
Мы, кто в исканьях, кто в тщете,
Его озвучим: кто о чём;
Наносим воду в решете,
А после в ступе потолчём.
Потом, отбросив сор и вздор,
В глаза друг другу поглядим.
И я скажу, что этот взор
В душе моей неизгладим!
За наши ноты невпопад
Пусть нас нелепыми сочтут,
Пусть перед нами листопад
Слагает листья там и тут.
Сурьмой грачиной перебит,
Роняя лёгкое перо,
Пусть нас захватит этот вид
И вдохновенно, и остро.

Течёт река наискосок,
И знак горы далёк и гол,
И тополь ярок и высок,
Как восклицательный глагол.
Восславим краски поскорей!
Долой еду, долой кровать!
О, дайте, дайте акварель!
Я стану чувства рисовать!
Чтобы картиной становясь,
Хранил пейзаж осенних чаш
С душой моей взаимосвязь,
Где дух любви непреходящ.

ЖИЛ ДА БЫЛ

Много помню я в жизни, но,
кажется, больше забыл.
Чтобы жизнь описать, нужно
многое вспомнить, быть может,
Или просто начать, ну хотя бы
вот так: «Жил да был...»
Нужно просто начать, а
дальнейшему память поможет.
И припомню пустырь, и в былое
потянется нить —
К затерявшимся в детстве
весёлым весенним истокам.
Чтобы жизнь описать, нужно
просто исток оживить,
Ну а повесть за ним побежит,
как река, самотёком.
Здесь и речка была, да в ручей
превратилась она,
И, утратив пустырь, незаметно
сошла на задворки.
Всё, как в жизни, — сгодится и
мель, коль ушла глубина,
Где звучали и жили весёлые
скороговорки.

И потянется дальше рассказ:
«Это было давно,
В пору старости чьей-то, что
нашу напутствует юность...»
В этой жизни минувшее с
будущим сопряжено,
Словно выдох и вдох — их
разрозненность и совокупность.
Был когда-то пустырь у реки,
а теперь его нет.
Вместо речки ручей с бытовыми
отходами бьётся.
В настоящем былого почти не
осталось примет,
Разве, этот ручей неуступчивый
и остаётся...
Здесь непрочная нить превращается
просто в пунктир —
Это птицы летят, направляя
крылатые взмахи
На намеченный где-то за
крышами ориентир.
Может, в юность?.. И тесным
становится ворот рубахи.
Наша молодость нам до
скончания века дана.
И доколе мы помним о ней,
никуда нам не деться
От её голосов и шагов...
Это снова она!
И до боли от юного чувства
колотится сердце!
Может, это любовь? Эко,
память, тебя понесло!
Ты запнулась о смутное чувство
и зыбкое слово.
Написал: «Жил да был...» — и
столкнулось моё ремесло
С непосильной задачей, к
которой совсем не готово.

Нас каруселью перемен
Вознаграждать предполагая.
Все впечатления новы,
А мы всё дальше от Москвы,
Говоруны и непоседы.
В дороге можно без затей
Бросать поленья новостей
В неугасимый жар беседы.
О, эти дальние края,
Где новизна — ворожея
И жизнерадостная спешка!
Где города и городки,
И новые особняки,
И запустенье — вперемешку...
Но вот почти что день в пути.
От повторений не уйти,
Хоть новизна ещё не тяжка.
Почти, как прежде, хороша
И впечатлениям душа
Открыта, но не нараспашку.
И всё докучней кругозор,
И потускневший разговор
Идёт уже не столь ретиво.
Подзатянулся наш транзит,
И холодком уже сквозит
Растянутая перспектива.

Там и пейзажи - сплошняком,
Но каждый будто бы знаком
И повторяется, как эхо.
Чем отдалённей от Москвы,
Тем основательней — увы! —
Во впечатлениях прореха.

А путь, не унывали чтоб,
Вращает свой калейдоскоп
Не от души, а как подачку.
И нас вагон, без куража,
Уже как будто не спеша
Везёт вразвалку, иль враскачку.
Давно остыл беседы пыл

И быт дорожный притупил,
И впечатленья, и хотенья.
Мир за окном навек знаком,
Как в песне: степь да степь
кругом;

И захоlustье, запустенье.
Глубинка, твой печальный вид
В себе былинное хранит,
А с ним — исконное, холопье.
И быт селенья под горой
Воспринимается порой,
Как взгляд усталый исподлобья.

Оно ещё живёт пока,
И там ещё наверняка
Есть избирательная урна.
Свой депутат народный есть
(С таким народу бед не счесть),
И улыбается гламурно.
Но новизна совсем не та,
И ощущений полнота
Не вызывает интереса.
Лишь только степь да глушь
вокруг,

Да монотонный перестук
В ночь уходящего экспресса.

ОСЕННЯЯ СТРАНА

А мимо мутной роздыми
Вагонного окна
Качается берёзами
Осенняя страна.
Качается да тянется,
Всё ускоряя бег,
Спешит Россия-странница
Через двадцатый век.
Она брела с потерями
Под шапки и стволы,
Туда, где образ Ленина
Ей виделся из мглы.

Шла красная и белая
Без веры и вины,
«Авророю» простреляна
Аж через три войны.
Путём утрат немереных —
Скорей, скорей, скорей.
Путём надежд потерянных,
Стихов и лагерей,
Морозовых, Матросовых,
Мороза и зерна,
И светлых роц берёзовых.
И это всё — она.

ИЗМОРОЗЬ

Эй, рыболов, иди вперёд,
Не будь уныл и хмур!
Настанет миг и в первый лёд
Войдёт звенящий бур!
Ну а пока терпи, иди,
Конец пути вот-вот.
Нас ждёт награда впереди —
Серебряный восход,
Здоровье, бодрость, аппетит
В движенях и в речах.
Гляди, уж изморозь летит
На солнечных лучах.
Поверь, мы мучились не зря.
Снимай рюкзак, пришли!
А мир цветёт, скрипит, горя
В серебряной пыли!

ЛИЦА

Он вспомнил знакомые лица
Тех близких, умерших своих.
Он вспомнил, как чёрные птицы
Текли над могилами их,
Как женщина в траурном пела,
К его прислонившись плечу,

Он вспомнил. Потом неумело
Зажёг и поставил свечу,
Молиться совсем не умея,
Зажёг, чтобы долго без сна
Безмолвно стоять перед нею,
Пока не исчезнет она.
Стоять тяжело и устало
И ждать, отступая во тьму,
Что в бликах огня и металла
Откроется что-то ему...
Совсем не умея молиться,
Увидел вдруг явственно он,
Как смотрят знакомые лица
С покрытых металлом икон.

* * *

Хмель шумел: «Хмельна свобода
в чашах,
Что полны искристого вина.
Если нет свободы в душах ваших,
Ту, что в чашах, выпейте до дна!
Милый друг, возьми свободу в
руки,
Да напрасно душу не тревожь.
Пей вино, и скоро правды муки
Перейдут в спасительную ложь.
И печаль, и боли станут глуше,
Будут мысли лёгкими, как сны!
Добрый хмель врачует ложью
души,
Что жестокой правдою больны...»
И когда не будет правде входа,
А для лжи открыта настежь дверь,
Хмель, смеясь, шепнёт: «Близка
свобода.
Но теперь в спасение не верь!»

* * *

Сказал садовник, руки потирая:
«Ты на исходе лета приезжай.

Вон яблоня цветёт, как в
кущах рая,
Должно быть, славный будет
урожай!»
И в тех краях я оказался кстати,
И мне кивнул садовник:
«Посмотри...
Та яблоня упала на закате
С пустым стволом, прогнившим
изнутри».

Чудит судьба, в житейской ахинее
Определяя существу места...
Бывает, что цветение пышнее
Там, где под ним таится пустота.

* * *

Есть на земле легенда злая,
Скупой сюжет её таков:
Один титан, добра желая,
Огонь похитил у богов.
Он людям дал его, в итоге
Благой желая им судьбы.
И, обнаружив это, боги
Схватились в ужасе за лбы.
Уже картины их прозрений
Прошли одна другой страшней —
Из выгорающих селений
И инквизиторских огней...
И вот спешит, близка к развязке,
Огня жестокая игра
Сквозь сокрушительные пляски

Гремучих дьяволов ядра...
Ещё гуляет между нами
Легенда о добре и зле,
А Прометей, укравший пламя,
Висит, прикованный к скале.
Ему века в цепях томиться.
Страдать, не ведая того,
За что безжалостная птица
Терзает печень у него.

ДВЕ МОЛИТВЫ

Глумился хам, ограбив старика:
«Ты душу, старый, злобою не
мучай,
А я отправлюсь в Божий храм пока,
Чтоб замолить свой грех, на
всякий случай».
Старик вздохнул: «Я злобы не таю.
Хочу и я в своей молитве тоже
Просить за душу грешную твою:
«Прости её, Всемилостивый
Боже!»
Был ясным мир, открытый всем
ветрам,
И каждый в нём избрал свою
дорогу...
Через грехи нас путь приводит в
храм,
Через прощенье — приближает к
Богу.

